

A person wearing a dark hooded jacket and pants is walking away from the camera on a stone path in a forest. The path is covered with fallen yellow and orange autumn leaves. The forest is dense with tall, thin trees, some with yellowing leaves, and a misty atmosphere hangs in the air. The overall scene is somber and atmospheric.

Алекс Твиркель

Клетка для палача

18+

Алекс Твиркель
Клетка для палача

«Автор»

2026

Твиркель А.

Клетка для палача / А. Твиркель — «Автор», 2026

Москва, начало 2000-х. Битцевский лес становится братской могилой для одиноких прохожих. Их убивает один человек — тихий, незаметный разнорабочий Арсений Ветров. Он не оставляет улики, но аккуратно записывает каждую смерть на самодельной шахматной доске. Его цель — шестьдесят четыре клетки. Шестьдесят четыре трупа. Превзойти самого Чикатило. Следователь Игорь Данилов теряет счёт времени, пытаясь вычислить призрака. Единственная зацепка — странные шахматные фигуры, которые маньяк оставляет на местах преступлений. Ветров не просто убивает — он играет, и Данилов становится его главным противником. Когда игра достигает финала, оказывается, что настоящий мат будет поставлен не на доске. Это история о двух людях, запертых в своих клетках — один в бетонной камере, другой в собственной памяти. О том, как далеко может зайти человек, если цель оправдывает любые средства.

© Твиркель А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алекс Твиркель

Клетка для палача

Глава 1

Москва встречала его сыростью. Не дождём, а той липкой, промозглой взвесью, которая пробирается под воротник куртки и оседает на лёгких тяжёлым комком. Игорь Данилов стоял на краю оврага в Битцевском лесу и смотрел вниз, где суетливо копошились криминалисты. Свет их фонарей выхватывал из утренней полутьмы мокрую листву и неестественно вывернутую руку.

— Опять? — спросил он, не оборачиваясь.

Молодой опер, стоявший чуть позади, шумно сглотнул.

— Да, Игорь Сергеевич. Мужик. Лет сорока. Нашли случайно — собачники гуляли. Всё как в прошлый раз... голова размозжена. Тупым предметом.

Данилов прикрыл глаза. За два года он привык к этому парку. Он знал здесь каждую тропинку, каждый поваленный ствол. Водка, дешёвая закуска в газетке, и — удар. Один. Точный. Жертвы сыпались, как перезрелые яблоки, и у него не было ни одной зацепки. Мужчины, женщины, пенсионеры, рабочие — их объединяло только одно: в последний раз их видели в компании невзрачного, тихого человека.

— Расходились по домам, — тихо проговорил Данилов. — Свидетели говорят: «Выпили с дядей Петей». Только дяди Пети этого никто описать не может. Размытый силуэт.

Он спустился в овраг, стараясь не смотреть на лицо убитого. Он знал, что увидит там — удивление и пустоту. Жертва не ждала удара. Жертва доверяла своему убийце.

В кармане завибрировал телефон. Данилов взглянул на экран — начальник. Снова требование отчитаться, снова пресс-релиз для газет, чтобы успокоить город. «Битцевский маньяк» — уже нарекли его журналисты.

Данилов сбросил вызов и повернулся к эксперту:

— Время смерти?

— Вчера, вечер. Где-то между шестью и девятью. Очередная суббота, Игорь Сергеевич. Выходной день.

Данилов кивнул. Выходной. Значит, сегодня в его мусорном ведре снова появилась шахматная фигура.

Глава 2

Арсений Ветров отодвинул занавеску на кухне и посмотрел на серое небо. Мать уже ушла на работу в местную поликлинику, и квартира в панельной девятиэтажке на окраине Зюзино наполнилась звенящей тишиной. Он любил эту тишину. Она позволяла думать.

На столе перед ним стояла самодельная шахматная доска. Он вырезал её сам из куска фанеры, когда ему было шестнадцать, вскоре после того, как отец ушёл, а врачи сказали, что заикание — это последствия детской травмы. Играть он не умел. Вернее, он играл, но в свои правила.

На доске, расчерченной на 64 клетки, стояли не чёрные и белые фигуры. Вместо них лежали маленькие квадратные карточки с именами.

Геннадий Сомов. Алексей Крылов. Ирина Павлова.

Арсений пересчитал их. Двадцать три. Двадцать три клетки заполнены. Он аккуратно, кончиками пальцев, пододвинул новую карточку. На ней он вывел аккуратным, почти каллиграфическим почерком: Олег Свиридов.

Почерк был идеальным. Он вообще всё делал идеально. Убирал квартиру, сортировал коробки на складе, ухаживал за больной матерью. Никто бы не подумал, что человек с таким чистым и скромным лицом способен на что-то большее, чем взять подсобку в магазине.

Арсений поднёс карточку к губам и прошептал:

— Три...

Слово застряло в горле, как обычно. Он сжал челюсти, раздражённо качнул головой. Заикание было его проклятием. В школе над ним смеялись, во дворе били. Он научился молчать. Молчать и смотреть. Смотреть на людей, которые проходили мимо, смеялись, пили, любили. Они были такими... живыми. От их энергии у него болела голова.

— Двадцать четвёртая, — выдохнул он уже ровно. — Четверть доски.

Он убрал карточки в коробку из-под обуви, а доску поставил в шкаф, за стопки старых журналов. Мать не должна была её увидеть. Никто не должен был увидеть. Это был его мир. Его безупречная стратегия.

Он взял с тумбочки поношенную кепку, старую куртку и вышел в коридор. Перед зеркалом он поправил воротник. Оттуда на него смотрел бледный, худощавый мужчина с залысинами и глубоко посаженными глазами. Ничего примечательного. Лицо, которое забывают через секунду после того, как отвели взгляд.

— Самое время... на прогулку, — прошептал он, сжимая в кармане тяжёлый, обмотанный изолентой молоток.

Глава 3

Кабинет Данилова на Петровке, 38, был завален папками. На стене висела карта Битцевского леса, вся в булавках и нитках. Игорь пытался найти связь. Он уже третью ночь почти не спал, вглядываясь в лица погибших.

Всех их связывало одно — они согласились выпить с незнакомцем в лесу.

— Кто соглашается пить с чужим дядей в лесу? — бормотал Данилов, растирая виски. — Только тот, кто сам пришёл туда пить. Алкоголики, бомжи... Но у нас тут и инженеры, и учителя.

Он открыл дело Сомова — первой жертвы. Геннадий Сомов, разнорабочий. Последний раз его видели в ларьке, где он покупал поллитровку. Продавщица тогда сказала: «С ним был какой-то парень. Скромный такой, в кепке. Заикался немного».

Заикался. Это была единственная примета. Данилов взял телефон и набрал номер своего помощника:

— Поднимите мне все архивы. Ищем мужчину, примерно 30-35 лет, рост средний, комплекция худощавая, заикание. Проверьте судимости, психиатрические учёты.

— Игорь Сергеевич, таких по Москве — тысячи...

— Ищите, — оборвал его Данилов и бросил трубку.

Он вышел к окну. За стеклом плыла серая Москва. Внизу, на тротуаре, какой-то мужик в грязной куртке пил пиво и смеялся с приятелем. Данилов смотрел на них и думал: «Каждый из вас может стать очередной клеткой».

Он хотел верить, что это просто маньяк-одиночка, социально опущенный элемент, ненавидящий пьющих. Но чутьё подсказывало иное. Слишком чисто. Слишком аккуратно. Этот парень не просто убивал — он создавал произведение. И для Данилова это было самым страшным. Потому что художников поймать сложнее всего.

Глава 4

Арсений сидел на скамейке в парке. Вокруг него, несмотря на будний день, бродили люди. Мамочки с колясками, пенсионеры с палками, влюблённые парочки. Он смотрел на них, и у него в груди разрастался холодный, липкий комок ненависти.

Они двигались слишком шумно. Они дышали слишком громко.

К скамейке подошёл мужчина лет пятидесяти с опухшим лицом. В руках у него была поллитровка. Он пьяно икнул и покосился на Арсения.

— З...здорово, — Арсений улыбнулся, показав ровные, но желтоватые зубы. — Скучно о...одному.

Мужчина обрадовался компании. Никто не хочет пить один. Арсений знал это правило. Так же, как знал, что именно в этом районе, за кустами акации, есть глубокий дренажный люк, куда уже несколько лет никто не заглядывал.

— Давай, присаживайся, — хрипло сказал Арсений. — У меня тут... бутерброды есть. За упокой души... моей собаки. Царствие ей небесное.

Он перекрестился, и мужчина, поколебавшись, тоже перекрестился и приложился к горлышку. Арсений терпеливо ждал. Он угощал, шутил, смеялся, почти не заикаясь. Алкоголь делал его речь текучей. Он рассказывал истории, которые придумывал загодя. О том, как был военным, как потерял семью. Выдуманные боли сближали его с жертвой.

Через час мужчина еле сидел на скамье. Арсений взял его под руку.

— Пойдём, я пр...провожу. Там... там тропинка ближе к дому.

Он завёл жертву вглубь парка, туда, где ветки смыкались над головой в непроницаемый шатёр. Мужчина уже почти спал на ходу, опираясь на плечо Арсения. Тот остановился. Вынул молоток из кармана.

— Прости, — сказал он, глядя в затуманенные глаза мужчины. — Но доска... должна быть заполнена.

Удар был коротким и сухим. Жертва осела, как мешок с картошкой, даже не вскрикнув. Арсений быстро, но без спешки, обыскал карманы. Деньги, паспорт, ключи. Он взял только паспорт, чтобы потом дома, в тишине, занести имя в список.

Тело он сбросил в люк. Металлическая крышка глухо звякнула, скрыв следы.

Арсений вышел на дорожку, отряхивая руки. На душе было тепло и спокойно. Он посмотрел на ветви деревьев.

— Двадцать четыре, — выдохнул он ровно, без запинки. — Четверть пути.

В его сумке, среди бутербродов и воды, лежала книга Каспарова по эндшпилю. Он взял её почитать в метро. Шахматы учили его терпению. И он был очень терпелив.

Глава 5

Данилов стоял в коридоре морга. Тело, найденное в овраге (Олег Свиридов, 52 года, безработный), лежало на столе. Судмедэксперт, пожилой, лысый мужчина в заляпанном халате, развёл руками.

— Всё то же самое. Черепно-мозговая. Удар сзади, в затылок. Сила расчётливая, профессиональная. Не первый раз.

— Я знаю, — устало сказал Данилов. — Что с местом? Нашли что-нибудь новое?

— Только это, — эксперт протянул пластиковый пакет. Внутри лежал смятый, мокрый клочок бумаги.

Данилов развернул его. На бумаге, вырванной из дешёвой тетради, был нарисован простой, но чёткий рисунок. Шахматная пешка. Рядом стояла цифра: «23».

— Что это? — нахмурился эксперт. — Очередная блажь?

Данилов смотрел на рисунок, и в голове у него начинало складываться нечто жуткое. Восемь на восемь. Шестьдесят четыре клетки. Цифра 23... Неужели это уже двадцать третье убийство? Они нашли только восемнадцать тел, но...

Он выбежал из морга и набрал номер дежурной части:

— Срочно поднимите все пропажи без вести за последние три года. Всех, кто мог быть в Битцевском лесу. И найдите мне что-нибудь по шахматной тематике! Срочно!

Он повесил трубку и закурил, хотя бросил три года назад. Руки дрожали. Он знал, что это за игра. Это не просто убийца. Это фанатик. И он ведёт счёт. Как в партии.

Сам того не желая, Данилов представил лицо, которое сейчас могло принадлежать убийце. Он увидел тихого, невзрачного человека, который сидит в своей комнате и аккуратно передвигает фигуры на доске. Человека, для которого жизнь — это просто клетка для очередной пешки.

— Кто ты? — прошептал Данилов в дымное московское утро. — И сколько их ещё будет?

В этот же самый момент Арсений Ветров сидел в электричке по пути в область. Он смотрел на мелькающие столбы и улыбался. В его руках лежал новенький блокнот для записи шахматных партий. Он только что купил его в ларьке.

Он открыл первую страницу и написал: «Партия 1. Начало. Пешка».

Он был готов играть дальше. До самого мата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.